

А.А. Боронин

*Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
Московский государственный областной университет, г. Москва*

AA Boronin

*Institute of Linguistics and Intercultural Communication
Moscow State Regional University, Moscow*

**О ПОНЯТИИ «ГРАНИЦА» В ЛИНГВИСТИКЕ (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕГО СЕГМЕНТОВ)
TOWARDS THE NOTION OF “BOUNDARY” IN LINGUISTICS
(INTERPRETATION OF LITERARY TEXT AND ITS PARTS)**

Ключевые слова: граница, сегментация, делимитация, персонажные субтексты, интерпретация художественного текста.

Keywords: boundary/limit, segmentation, delimitation, characters' microtexts, interpretation of literary text.

В статье анализируется содержание понятия «граница», используемого в лингвистике и некоторых смежных гуманитарных науках. Методологическая значимость понятия «граница» для интерпретации художественного прозаического текста и его частей – персонажных субтекстов – выражается в применении двух интерпретативных процедур (сегментация и делимитация). Автор рассматривает проблему определения разнородных границ фикциональной коммуникативной ситуации.

The article analyzes the notion of “boundary” used in linguistics and in some allied human sciences. The methodological value of the notion under discussion within the framework of interpretation of literary prosaic text and its parts /characters' microtexts/ manifests itself in application of two interpretative procedures (segmentation and delimitation). The author focuses upon the problem of segmentation and delimitation of a fictional communicative situation.

*Границы моей речи указывают на границы моего мира.
Л. Витгенштейн (4: 180)*

В науке все прочнее укореняется представление об окружающем мире как о полиреальности. Частным свидетельством, подтверждающим этот тезис, служат следующие слова: «Современное общество принципиально альтернативно — для него характерной является альтернативная коммуникативная среда. Любое сообщение может быть заменено любым другим. Общество прошлого стремилось к уникальности коммуникативных процессов» (выделено Г.П. – А.Б.) (Почепцов, 2001: 20). Подобная альтернативность, точнее, речевая полиреальность, преломляя в себе методологический принцип дополнительности (Н. Бор) или вторя ему эхом,

становится присущей научному дискурсу, в том числе и коммуникативной сфере, относящейся к точным наукам (Базылев, 2010: 212). Множественность сущностей предполагает их различие, отграничивание на определённых основаниях: именно понятие границы даёт ключ к пониманию феномена полиреальности, хотя довольно часто это понятие выражает нечто ускользающее от прямого наблюдения, нечто тончайшее. Так, А.В. Кирилина, говоря о том, что *«между двумя языками, с которыми переводчик работает, существует граница, которую необходимо тем или иным способом соблюдать»* (курсив и выделение жирным шрифтом сделаны А.К. – А.Б.) (Кирилина, 2011: 33), справедливо замечает: «С позиции постнеклассической эпистемологии можно говорить о неявном знании» (там же).

Погружаясь в проблему, прежде всего, отметим, что сумму семантических признаков слова «граница» составляют изначальная способность указывать на пространство, значения ограничения при выделении одного вида пространства и разграничения при выделении разных по качеству видов пространств, ориентация на субъекта речи в плане его пространственной локализации, актуализация значения «движение» (Лебедева, 2000: 93-97). Нюансы понятия «граница» высвечиваются при обращении к разным отраслям знания.

Взгляд на это понятие сквозь призму культурологически ориентированной теоретической географии позволяет выделить такие присущие ему признаки, как несамодостаточность, центробежность, антиномичность и парадоксальность (Каганский, 2001: 86, 537). Граница представлена входящими в состав нескольких систем элементами, она выступает как «зона переопределённости», как сочетание «грубовещественного» и «грубосимволического» (Каганский, 2001: 86-87), причем именно второй компонент обладает повышенной когнитивной значимостью для большинства индивидов, так как знакомство с границей для них чаще является «семиотическим», нежели «физическим» (Sidaway, 2005: 193) (ср. в связи со сказанным: «граница – элемент пространства в его геополитическом измерении, символ, ориентирующий политический, экономический, правовой и культурно-информационный ландшафт в направлении некоего ядра и тем самым играющий роль мощного централизующего фактора» (подчёркнуто нами – А.Б.) (Дмитриева, 2008: 87)).

Понятие «граница» в психологии может рассматриваться как «виртуально-энергетическое образование», как функциональный орган, присущий только живому человеку (в отличие от физической границы тела вообще), человеку действующему (через деятельность этот орган и формируется, и проявляет себя в конечном виде), и в оптимальном режиме обеспечивающий положительное переживание собственных действительных возможностей (Леви, 2006: 349-350). Граница окаймляет ментальное пространство телесного, социального и символического Я (Балева, 2006: 72-73) (вне пространства человек не мыслит себя, в отношениях с ним есть две психологические опоры – субъектный центр и замыкающая идеальное

пространство вокруг него граница (Лебедева, 2000: 93)), но было бы неправильным сводить её функцию лишь к маркированию подобного пространства, особенно если принимать последнее за сетевую систему с границей как неотъемлемым системным элементом, подобно тому, как это видят авторы теории аутопоэза У. Матурана и Ф. Варела, говоря об участии мембраны в функционировании сетевых молекулярных трансформаций (Матурана, 2001: 40) (на наш взгляд, удачный разбор теории Сантьяго приводится в работе В.И. Моисеева (Моисеев, 2007: 66-73)). В «аутопоэтическом» духе граница трактуется функционально – то есть как процесс, оказывающий влияние на другие процессы (сетевые элементы) (Матурана, 2001: 41).

В силу своего онтологического качества – процессуальности – граница, по всей вероятности, обладает как константными, так и переменными признаками. Характеристики психологической (психосемиотической) границы не задаются раз и навсегда, они смещаются, а иногда и исчезают вовсе: это наблюдается в том случае, когда многократные повторы текста постепенно делают менее видимыми его границы. Видимость границ уменьшается в той мере, насколько удаляется, растворяется в коммуникативном пространстве «первородитель» текста.

О подвижности и «мерцающей» условности границ можно говорить, сделав поворот к философским началам. Так, М.К. Мамардашвили говорит об интерпретативном воссоздании истины, об её воссоздании «в каждой точке и по всем частям» (Мамардашвили, 1995: 388). Истиной не обладают, она «есть интерпретативное явление», вне интерпретации она не существует (там же). Это утверждение позволяет сформулировать очень важный для теории текста постулат. В ходе интерпретации словесного произведения всегда появляется нечто, непосредственно не сводящееся ни к какой-либо отдельности (дробь) текста, ни к тексту в целом. Следовательно, в силу трансграничности того, что появляется как результат стремления к истине, следования за ней в ходе интерпретации текст принципиально неделим, его внутренние и формальные внешние границы растворяются и им на смену приходят границы, которые задаются онтологически – поиском истины. Эти границы детерминированы самим процессом поиска и условны, так как интерпретация включает в себя семиотический момент определения оснований для символического завершения процесса поиска истины. Знаковая конечность текста, его исчерпаемость обеспечивает подобные основания.

После этих рассуждений хотелось бы сформулировать тезис (диалектически дополняющий предыдущий), который мы считаем крайне важным в методологическом плане. Изменчивость и подвижность границ относительна, поскольку их предельная вариативность ставит под вопрос правомерность выделения их самих, так как неопределённо по своей стабильности ограничиваемое пространство. В силу этого нужно принять за основу хотя бы условную константность ограничиваемого ментального пространства. Устойчивым и относительно стабильным ментальным

пространством является образ мира – понятие, введённое в отечественную психологию А.Н. Леонтьевым и получившее дальнейшее развитие в трудах его последователей. Мир предстаёт в сознании человека как «пятое квазиизмерение», системно организованное смысловое поле значений, существующих вне индивида и задающих «мерность *внутрисистемных связей объективного предметного мира*» (курсив А.Л. – А.Б.) (Леонтьев, 2003: 13). В контексте нашей проблематики особенно важно положение психологии образа мира о том, что воспринимаемый предмет не предстаёт перед индивидом как суммарный набор признаков, а, напротив, предстаёт перед ним в виде свойств, которые «завязываются узлом» (Леонтьев, 2003: 16, 12). Вычленение границ внутри «узла», внутри развивающейся совместности представляется затруднительным и искусственным, поэтому данный образ можно полагать как константу, соотнесенную с однородными константами. Эта соотнесённость и устанавливает внешние границы образа. Сравним высказанную мысль со следующими созвучными ей по духу словами: «пронизывающие язык и культуру масс-медиа константы позволяют определить лингвокультурные временные и пространственные, национальные и интернациональные границы» (Желтухина, 2003: 132).

Метафора о «завязывании узла» указывает на выраженную деятельность, соотнесение однородных констант так же деятельностно. Следовательно, теория интерпретации текста должна складываться в рамках «деятельностной лингвистики», которая «ставит в центр исследований человека с его потребностями, мотивами, целями, намерениями и ожиданиями» (Харченко, 2003: 14). Границы текста как образа (а это – всегда внешние границы) определяются в результате соотнесения однородных констант. Такое соположение реализует себя в системе «первичный текст – вторичный текст (вторичные тексты)». Эта система может возникать либо спонтанно, формироваться в течение определённого периода (иногда весьма продолжительного), либо задаваться намеренно в ходе лингвистического эксперимента – и тогда отрезок времени относительно непродолжителен.

Вспомним еще об одном ракурсе, который поможет нам увидеть сущностное в понятии «граница». Ю.М. Лотман использует понятие «граница» в своей семиотико-культурологической концепции, понимая под ним черту, отделяющую положительное во всех смыслах, освоенное пространство от опасного и неструктурированного «чужого» пространства. Учёный высказывает важную мысль о неоднородности «своей» культурной сферы, обращая внимание на активное созревание в её рамках «периферийных центров» (Лотман, 2000: 260). Эта мысль может служить методологическим посылом для теории интерпретации текста: покров доминантного смысла текста скрывает не только подкрепляющие этот смысл семантические сгустки, но и «еретические» контр-смыслы, что делает легитимными даже те интерпретации, которые внешне противоречат базовым смысловым установкам текста – например, интеллектуально «рискованные» интерпретации на основе уподобления границ центру, на основе взаимных переходов границ и центров (Каганский, 2001: 537).

Далее обоснуем правомерность различения двух интерпретативных процедур, которые различаются телеологически – по типу выделяемых границ.

Исследователь языка, согласно Ф. де Соссюру, выделяет из «распльывчатой массы» то, что становится непосредственным объектом для изучения: «[Конкретная] языковая сущность определяется полностью лишь тогда, когда она отграничена, отделена от всего того, что её окружает в речевой цепочке» (в цитате слово «отграничена» дано разрядкой – А.Б.) (Соссюр, 1977: 136). В результате такой сегментации выделяется единица, высвобожденная из контекста, которая способна через взаимодействие с себе подобными (единицами, также отчуждёнными от аморфного либо относительно оформленного контекста) к порождению принципиально иных языковых конститuentов. На более обобщенном уровне возможно сконструировать формально схожую, но принципиально новую в онтологическом плане ситуацию, когда мы имеем дело не с сегментацией (определение, прежде всего, формальных границ текста и его частей), а с делимитацией (определение онтологических границ текста). М.М. Бахтин следующим образом представил ситуацию, создающую предпосылки для делимитации текста: «за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторённое и воспроизведённое и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является в чём-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нём, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. Это в какой-то мере выходит за пределы лингвистики и филологии. Этот второй момент (полюс) присущ самому тексту, но раскрывается только в ситуации и в цепи текстов (в речевом общении данной области). Этот полюс связан не <с> элементами (повторимыми) системы языка (знаков), но с другими текстами (неповторимыми) особыми диалогическими (и диалектическими, при отвлечении от автора) отношениями» (Бахтин, 1997: 308-309). Трактующий как уникальное речевое событие, текст – избранная, сингулярная сущность – тем самым временно отрешается от контекста, но потом вновь погружается в него с тем, чтобы повторно утвердить свою смысловую неповторимость, удостовериться в актуальности своих семантических границ. Наконец, абсолютная делимитация становится возможной при диалогическом совмещении, соположении двух, предельно абстрактных сущностей, о неслиянном единстве которых говорит Л. Витгенштейн (сформулированное им афористическое положение приведено в эпиграфе, см. также комментарий В.П. Руднева в (Витгенштейн, 2005: 180-181)).

Понятие граница может стать ключевым при интерпретирующем обращении к отдельным частям художественного текста – в частности, к фикциональным коммуникативным ситуациям (ФКС), представляющим собой описания словесного общения персонажей. Усмотрение границ

коммуникативной ситуации представляет собой сложную проблему не тогда, когда ФКС фактически равна художественному произведению, тождественна ему (пленотекстуальная ФКС, см. рассказ Д. Паркер “New York to Detroit” (Parker, 2004: 111-116)), а тогда, когда коммуникативная ситуация является лишь эпизодом повествования (партитекстуальная ФКС). С определением границ такой ситуации связана проблема установления её завершенности. Если считать критерием завершенности текста репрезентированную тематическую конденсацию текстового концепта, то партитекстуальная ФКС не может считаться завершенной, поскольку она не включает в себе все текстовые подтемы. При этом нарративная незавершенность не вступает в противоречие с коммуникативно-ситуативной законченностью, когда конкретное событие словесного взаимодействия литературных героев реализует себя «безостаточно».

Возьмём пример, дающий представление о том, как стандартная коммуникативная событийность уступает место иному семиотическому модусу, дающему веские основания для делимитации художественного текста как целого, когда ситуативная незавершенность жестко детерминирует нарративную завершенность, высвечивая онтологические границы текста:

And most of this is why, for years afterwards, lanky, easy-going bushmen, riding lazily past Dave's camp, would cry, in a lazy drawl and with just a hint of the nasal twang:

“ 'Ello, Da-a-ve! How's the fishin' getting on, Da-a-ve? ” (Australian Short Stories, 1973: 55)

Знаковая оформленность персонажного субтекста (главным образом, специфическая пунктуация) представляет собой наиболее очевидную границу, с которой соотносятся (совпадают, или, наоборот, противоплагаются ей) границы, отмечающие производные или альтернативные пространства, возникающие, в свою очередь, под действием двух интерпретативных принципов. Первый из них заключается в осознании персонажного субтекста как максимально конкретной речевой сущности, а второй – в неуклонном наращивании контекстуальной базы, дающей возможность читателю переживать постоянное ощущение изменения смыслового горизонта. Изменчивость границ находит своё оправдание в контексте интерпретативных констант – прежде всего, стабильных компонентов ментального образа художественного текста.

Литература

1. Базылев В.Н. Криптолингвистика. - М.: Изд-во СГУ, 2010 - 277 с.
2. Балева М.В. Пространственное Я и черты личности: гендерные сравнения // Психология индивидуальности: Матер. Всерос. конф. 2-3 нояб. 2006 г. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. - С. 72 - 75.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений / Институт мировой литературы им. М. Горького РАН. - Т.5. Работы 1940-х - начала 1960-х годов. - М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997. - 732 с.

4. Витгенштейн Л. Избранные работы. - М.: Территория будущего, 2005. - 440 с.
5. Дмитриева С.И. Лимология: учебное пособие. - Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. - 112 с.
6. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. - М- Волгоград: Ин-т языкознания РАН, Изд-во ВФ МУПК, 2003. - 656 с.
7. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство // Сборник статей. - М.: Новое литературное обозрение, 2001. - 576 с.
8. Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психологические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. - 2011. - № 1(13). - С. 30 - 39.
9. Лебедева Л.В. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 93 - 97.
10. Леви Т.С. Индивидуальная архитектоника психологических границ как телесного феномена // Психология индивидуальности: Матер. Всерос. конф. 2 - 3 нояб. 2006 г. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. - С. 349 - 352.
11. Леонтьев А.Н. Образ мира // Мир психологии. - 2003. - № 4. - С. 11 - 18.
12. Лотман Ю.М. Семиосфера. - СПб.: Искусство-СПб, 2000. - 704 с.
13. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. (Психологическая топология пути). - М.: Ad Marginem, 1995. - 549 с.
14. Матурана У. Дерево познания. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 224 с.
15. Моисеев В.И. О философии биологии и медицины: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Принтберри, 2007. - 176 с.
16. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. - М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. - 656 с.
17. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - 696 с.
18. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. - Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. - 336 с.
19. Australian Short Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1973. - 400 p.
20. Parker D. Short Stories. - Moscow: Raduga Publishers, 2004. - 160 p.
21. Sidaway J.D. Reflections from the Portuguese-Spanish Borderlands // B/ordering Space. Aldershot (England) - Burlington (USA): Ashgate Publishing Ltd., 2005. - P. 189 - 206.

References

1. Bazylev V.N. Kriptolinguistiks. – М.: SSU, 2010 – 277 p.

2. Balewa M.V. Spatial I and personality traits: a gender comparisons // Psychology of personality: Mater. of alruss. conf. Nov 2-3. 2006 – Moscow: Publ. House HSE, 2006. – p. 72-75.
3. Bakhtin M.M. Collected Works / Institute of World Literature. RAS. – Vol.5. Works 1940s – early 1960s. – Moscow: Russian dictionaries. Languages of Slavic Cultures, 1997. – 732 p.
4. Wittgenstein L. Selected Works. – Moscow: The territory of the future, 2005. – 440 p.
5. Dmitrieva S.I. Limologiya: a tutorial. – Voronezh: Publishing center of Voronezh State University, 2008. – 112 p.
6. Zheltukhina M.R. Topological suggestiveness of mass-media discourse: about the problem of speech influence of tropes in language media: Monograph. – M-Volgograd: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Academy of WF IASC, 2003. – 656 p.
7. Kagansky V.L. Cultural landscape and the Soviet habitable space // Collection of articles. – Moscow: New Literary Review, 2001. – 576 p.
8. Kirilina A.V. Translation and linguistic consciousness in a dynamic synchrony: psychological boundaries of language (based on the Russian language in Moscow) // Questions of psycholinguistics. – 2011. – № 1 (13). – p. 30-39.
9. Lebedev L.V. Semantics of "restrictive" words // Logical Analysis of Language. Languages of spaces. – Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. – p. 93-97.

(0,5 п.л.)